

Мельникова Галина Владимировна

ФИННО-УГОРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПЕРМСКОМ ГОВОРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются финно-угорские лексические заимствования в словарном составе пермского говора татарского языка, их соотношение в татарских диалектах и литературном языке, а также их лексико-тематические и лексико-семантические особенности. Отмечаются многовариантность рассмотренных слов и наличие в них разнообразных семантических оттенков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 113-117. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Выделенный нами концепт «Geist» оказался максимально опредмеченным антропоморфным типом метафоры, выражающим внутреннее, часто противоречивое эмоциональное состояние личности. Такой дуализм мысли и суждений характерен, на наш взгляд, и для самого философа, и для его философских текстов, которые находят свое отражение в языковой системе автора и реализуются в ней посредством образных вторичных номинаций, характеризующихся смысловой многогранностью и эмоциональной неоднозначностью в номинировании и интерпретировании окружающего мира великим философом.

Список литературы

1. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
2. Макарова О. С. Индивидуально-авторская концептосфера Фридриха Ницше: образные и ценностные характеристики // Немедкая концептосфера: национальные и индивидуально-авторские концепты: колл. монография / науч. ред. В. И. Карасик. Волгоград: Парадигма, 2012. С. 149-171.
3. Макарова О. С. Метафора как средство языковой реализации индивидуальной концептосферы Ф. Ницше: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2007. 249 с.
4. Москвин В. П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация. Волгоград: Перемена, 1997. 92 с.
5. Москвин В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. Изд-е 4-е, перераб. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 630 с.
6. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. München, 1976. 368 S.
7. Nietzsche F. Antichrist. Frankfurt am Main, 1986. 126 S.
8. Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft // Morgenröte. Idyllen aus Messina. Die fröhliche Wissenschaft. München, 1999. S. 5-345.
9. Nietzsche F. Ecce homo [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/ecce-homo/eh/> (дата обращения: 04.10.2014).
10. Nietzsche F. Jenseits von Gut und Böse // Jenseits von Gut und Böse. Zur Genealogie der Moral. Stuttgart, 1991. 452 S.
11. Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches I und II // Menschliches, Allzumenschliches I und II. München, 1999. 715 S.

METAPHOR IN CONCEPTOLOGY OF F. NIETZSCHE

Makarova Olga Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Volgograd State Socio-Pedagogical University
olka1@inbox.ru

The article considers the metaphorical features of the implementation of the individual concept “Geist” of elitist language personality F. Nietzsche taking into account their unique figurative semantic meaning. A metaphor acts as the major means of expression that identifies the concept “Geist” and allows judging about the relevance of the existence of an individual nominative system of reality signification by the German philosopher with a unique emotional connotation forming ambivalent attitude of the scientist to a man in contemporary culture.

Key words and phrases: linguo-culturology; linguo-axiology; individual-authorial concepts; elitist language personality; metaphor; metaphorical nominations.

УДК 811.512.145'28+811.511.1

Филологические науки

В статье рассматриваются финно-угорские лексические заимствования в словарном составе пермского говора татарского языка, их соотношение в татарских диалектах и литературном языке, а также их лексико-тематические и лексико-семантические особенности. Отмечаются многовариантность рассмотренных слов и наличие в них разнообразных семантических оттенков.

Ключевые слова и фразы: финно-угорские заимствования; пермский говор; татарские говоры; диалекты; диалектная лексика.

Мельникова Галина Владимировна

*Институт языка, литературы и искусства имени Галимджана Ибрагимова
Академии Наук Республики Татарстан
nightvolga@mail.ru*

ФИННО-УГОРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПЕРМСКОМ ГОВОРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА ©

Исследования в области татарской лексикологии показали необходимость лингво-генетического и диахронического аспектов изучения диалектной лексики. Изучение финно-угорских заимствований в татарском языке имеет как научное, так и культурно-историческое значение. Проводимые разработки способствовали

бы углублению этимологических изысканий и решению отдельных задач исторической лексикологии татарского языка. Актуальность работы определяется также и тем, что она является частью проводимых в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ лексикологических исследований.

На территории Урало-Поволжья тюркские народы в процессе исторического развития вступали в интенсивные и длительные непосредственные связи с финно-угорскими народами, прежде всего с удмуртами, марийцами и мордвой, а также с носителями пермских языков (коми-пермяцкий, ханты-мансийский). Их многовековые политические, экономические и культурные взаимоотношения наложили отпечаток на все области жизнедеятельности, в том числе на их этнический колорит. Результаты длительных межэтнических контактов, протекающих в условиях конкретного региона, нашли отражение в различных языковых формах, особенно в лексике и, прежде всего, в территориальных диалектах, «консервирующих» иноязычные вхождения. В этой связи становится вполне обоснованным исследование иноязычных вхождений не только на уровне литературного языка и диалектов, но и народных говоров [5, с. 3].

В пермском говоре татарского языка имеются такие финно-угорские заимствования, которые отсутствуют в других татарских говорах или имеют узлокальное распространение. Большинство заимствований относятся к сфере флоры и фауны, а также к области хозяйствования. В данной статье будут рассмотрены некоторые слова из этих лексико-тематических групп.

Источниками фактического материала для анализа послужили двуязычные и диалектологические словари татарского языка [10], также и материал автора, собранный в ходе визуального наблюдения над пермским говором (2014).

Әмәҗҗе/мәҗҗә/әмеҗҗе – малина. *Учаскынызы мәҗҗә җәыйган җазытта була (сабан туйы). / Сабантуй участка состоится во время сбора малины. Быйыл әмәҗҗе бик шәп диләр. / Говорят, в этом году малины очень много.* В говоре зафиксированы и другие составные производные от *әмәҗҗе*: *әмәҗҗәләк* – малинник; *әмәҗҗе пирук* – пирожок с малиной; *әмәҗҗе шәңгә* – шаньга с малиной; *йар әмәҗҗе* – ежевика; *әмәҗҗе чаз* – период созревания малины. *Кичкә әмеҗҗе шәңгә пешерәбез. / К вечеру испечем шаньгу с малиной. Әмәҗҗе чазта бар, үзең бар, җәме. / Сходи во время созревания малины, сам сходи, ладно. Әмәҗҗе кендек* – торчок, стержень малины. *Аптаз була әмәҗҗе кендек. / Стержень малины бывает белым-белым.*

Әмәҗҗе и его фонетические варианты *мәҗҗә*, *әмеҗҗе*, *әнеҗи* в татарских народных говорах восходят к финно-угорским языкам. Ср.: удм. *әмезь*, коми *әмидз*, мар. *ынгыж*, мокш. *инези*, эрз. *инзей*, общеперм. *етеҗ'* «малина» [3, с. 211; 7, с. 168; 12, с. 71].

Мал'/мәл – брусника. *Мал' элек күп була торган ийе. / Брусники раньше бывало много. Мал' башта җәшил була, аннан зызара. / Брусника сначала бывает зеленой, затем краснеет.* Употребляется в составе лексем *карамал'/карамәл* «черника», *күкмәл'/күкмәл* «голубика». В златоустовском говоре татарского языка: *кәртмәле/кәртмәлек* «брусника», иногда «ежевика» [11, с. 132], в ичкинском говоре слово *кәртмәлек* известно в значении «клюква» [12, с. 73].

Слово *мал'* восходит к слову *моль*, распространенному в диалектах коми языка, имеющему значения: «пуговка, косточка, бусинка»; *туримол'*, *кадмол'*, *нурмол'*, *термул'и*; удмуртский *н'урмул'ы* – клюква; общепермское *mol'i* [3, с. 173].

Үҗин – снегирь. *Үҗин зып-зызыл түшле зый ул, йазгыда килә зый ул. / У снегиря ведь брюшко красное-красное, он ведь прилетает весной.* В других говорах татарского языка это слово отсутствует. В говорах коми-пермяцкого языка имеются слова *жон'*, *жон'кай*, в удорском говоре коми-зырянского языка *жойна*; в коми-язьвинском диалекте *жун'*, *жун'он*, *жун'ис*; удм. *жойна* – «снегирь» [Там же, с. 102].

Мәшкә – гриб, грибы (в этом же значении слово зафиксировано в мензелинском, ичкинском, златоустовском, красноуфимском говорах татарского языка). *Урманда мәшкә күп үсә. / В лесу много грибов растет. Зы йар белә мәшкә әккереп пирдем. / Занес огурцы и грибы. Кәзгегә мәшкә җәыймага бардыз. / Осенью ходили за грибами.* В исследуемом говоре это слово зафиксировано и в значении «пробка» (также в нагайбакском, красноуфимском говорах). *Шешәнең мәшкәсе зайда? / Где пробка от бутылки?* Производные от слова *мәшкә*: *мәшкә чир* «цинга», *мәшкәләну* «делаться мягким, морщиниться». *Суда озаз йәрәсәң дә мәшкәләнә айаз, зул да мәшкәләнә суда озаз мәтәшитсәң. / Если долго в воде ходишь, ноги морщятся, и руки морщятся, если долго в воде возишься.*

Употребляется и в других тюркских языках: башк. *бәшмәк*, *мәшкәк* «грибы»; диал. *мәшкә* «грибы», «пробка», «цинга»; алт. *мәшкә* «грибы», «березовый нарост»; саян. *бәшкә* «грибы», «нарост»; калм. *бәшкә* «грибы», «трут» [1, с. 143].

Возводится к финно-угорским языкам: горное наречие марийского языка *мәкш* «гнилушка, гнилое дерево»; *мәкшан* «гнилой» (о дереве); луговое наречие марийского языка *мекш* «гнилушка, гриб-трутовик»; мокш. *макша*, эрз. *макшо* «гнилушка»; мокш. *макшу* «гнилой, трухлявый»; др.-морд. *taksä* [4, с. 74].

Нәте/мәте – глина. *Нәте балчыз/мәте балчыз* – глина, глинозем. *Чыбыз утыртып мәте затырганнар. / Часток обмазали глиной. Мәте балчыз тузыдыз пичне сылыбыз дип. / Замесили глину, чтобы обмазать печь.* Возводится к финно-угорским языкам: *мода* эрз. «почва; земля»; мокш. «земля, почва, суша»; финн. *тита* «ил, грязь» [1, с. 143; 5, с. 73].

Шәшләй – маленькая щука, щуренок. *Шәшләй әч килага таба үстисә, чуртан була. / Щуренок, когда дорастет до трех килограммов, становится щукой.* Метафорический перенос значения: в луговом наречии марийского языка *сүзлө*, в горном наречии марийского языка *шужсыл* «кочедык (инструмент для плетения лаптей)». Ср. тат. лит. *шәшле*; башк. *шәшлә*, диал. *сәшле*; чув. *шәшлө* «кочедык (инструмент для плетения

лаптей)», «деревянный кочедык для снятия лубка», *шешлэ полд/пул* «щука», *шешлек* «щуренок», *шешле йыт* «гончая собака», в мензелинском говоре татарского языка *чдшле* «малыш, человек ростом с кочедык», в чув. *шешлэ* «малец, малыш» (о ребенке) [2, с. 282; 13, с. 618].

Шамбы – щука. Ихтионим в говорах татарского языка имеет и другие фонетические варианты: *шамбы*, *жумба* (дубязский); *жумба* (мамадышский, мензелинский); *жумба*, *жомба* (говор нижекамских крышен); *шамбы*, *жамбы*, *йаллы шамбы* (бугурусланский) «налим» [9, с. 80]. Башк. *шамбы* «налим», диал. *кеше шамбыны* «налим», *йылан шамбыны* «угорь», *эт шамбыны* «ерш», *шамбыуыс* «налим» [2, с. 390]; чув. *шампа* «налим», диал. «головастик» [13, с. 602].

По мнению Н. И. Исанбаева, слово заимствовано из марийского *шамба*, *шамбе* «налим». Р. Г. Ахметьянов считает его заимствованием «из древних финно-угорских языков»: ср. финн. *sampri*, ханты. *sorii*, венг. *сотро* «карп» [1, с. 247; 4, с. 116].

Есть и такое мнение, что тат., башк. *шамбы*, чув. *шампа* «налим», тат. диал. *жумба* «сом» могут иметь и другие корни. Не исключена связь данного слова с монг. *жомбогор* «выпяченный, вытянутый», *жомбогор хоштуутай* «остромордый», *жомбойх* «выпячиваться (о губах)», так как у перечисленных видов рыб морды имеют характерную форму [8, с. 42].

Терке – молодая сосна, молодой сосняк. Широко распространено в татарских говорах Приуральяского региона и Сибири (кроме пермского имеется в златоустовском, красноуфимском, байкибашевском говорах) [12, с. 41]; *терке печин* – хвощ полевой. *Терке була, зартайгас, сагызлангас зарагайга айланэ. / Терке – молодая сосна, когда стареет, покрывается смолой, становится сосной.* В восточных диалектах татарского языка *терге* – «молодая сосна». Башк. диал. *терке* «молодая сосна», «ель» [2, с. 313]. Возводится к марийскому *тырке* «молодая сосна» [4, с. 113].

Мелиш/милэйеш – рябина. *Быйыл жуз мелиш, узган жэди бар ыйы. / В этом году нет рябины, прошлым летом была. Былтыр милэйеш тэ шэб ийе инде. / В прошлом году и рябины было много. Мелиш печин* – дикая рябина, пижма. В татарском языке литературным вариантом является *милэш*, в говорах имеет различные фонетические варианты: в заказанских говорах, нукратовском – *милэш*, в нагорных говорах, бастанском, златоустовском, красноуфимском говорах среднего диалекта, в говорах западного и восточных диалектов – *мэлэш*, в касимовском – *мулиш* [12, с. 57]. Слово употребляется и в некоторых других тюркских языках: башк. *милэш*, *мэлэш*; туркм. *мелеш*, чув. *пилеш*; алт. *пеле*; ойр. *беле*. В татарском, башкирском и чувашском языках возводится к общему финно-угорскому источнику: ср. удм. *пальэзь*; мар. *пилзе*, *пизле*, морд. *пизэл*, *пизыль*; коми *пельсь*, *пелдизь*, *пельши*; финн. *pihlaji*, *pislaja* [3, с. 218].

Түни/түни/түней/тэней – в бардымском подговоре – валяные из шерсти носки. *Мин этэн т'эней кийеб жатам зый, сарыз йэйнэн жомшиаз зына итеп эвлэгэн. / Я ведь (когда ложусь спать) надеваю на ноги войлочные носки, мягкие, свалянные из овечьей шерсти.* В кунгурской группе подговоров – валенки. *Айагың дшегэн, түни ки. / Твои ноги замерзли, надень валенки. Т'энейгэ олтан салалар. / Валенки подшивают.* На основе данного слова образованы новые понятия: *калуш түни* – войлочные боты, *чобар түни* – валенки с узорами. *Чобар түнине пыразникта гына кийэлэр ийе. / Валенки с узорами надевали только по праздникам.* Данное слово имеет ограниченную территорию распространения. В варианте *түни* «валенки» зафиксировано также в красноуфимском и златоустовском говорах. В присыктывкарском диалекте коми-зырянского языка *т'ун'и* «валенок». В коми языке *түни* – «валенок», «обувь из валяных головок с пришивным голенищем». Д. Б. Рамазанова сравнивает слово *түни* с русскими *чуни*, *чуны*, *чунги*, широко распространенными в значениях «валенки», «суконные портянки», «зимние утепленные лапти, и предполагает, что оно одновременно заимствовано и коми, и татарами из общего источника [6, с. 214; 7, с. 168].

Бушымыны/бышымыны зонжырыйз – обувь из шкуры с холщевым верхом; *бышымыны чабата* – лапоты с холщевым верхом; *бушым* – верхняя часть обуви, называемой конжорыйк, сшитая из грубого полотна; *бушымнау* – обшить верхнюю часть конжорыйк грубым полотном. *Зонжырыйзны тегеп пирэлэр ийе бушымнап. / Шили зонжырыйз, обшив верхнюю часть грубым полотном. Бушымыны чабата кийеп китэбез ий йаланга. / В поле выходили, надев лапти с холщевым верхом.* Изоглосса слова *бышымыны* ограничена – это соседние златоустовский, красноуфимский говоры и окружающие говоры современной северо-восточной Башкирии [6, с. 215].

Корнем слова *бышымыны* является *пыш*: коми *пыш* «конопля»; удм. *пыш* «кудель, конопля»; мар. *муш* «пенька, кудель»; мокш. *мушка* «волокно», «кудель»; эрз. *мушко* «конопля», «кудель»; общеперм. *рийс* «конопля» [3, с. 238].

К этому же корню возможно отнести и слово **бэжи** – конопля, которое в приуральских говорах татарского языка имеет различные смысловые оттенки [10]. *Бэжине суга батырасын да мунчага күтэреп талкыйсын, жэбен бешерэсен. / Коноплю замачиваешь, в бане мнешь, нить кипяتيشь.* Р. Г. Ахметьянов отмечает, что в тат. лит. *баса*; тат. диал. *пэже*, *пэжи* «пенька, кудель», *пэче*, *пэце* «пенька, конопля»; вост. диал. *маса*, зап. диал. *паса* «конопля»; *пучы*, *пучы* «шнур, бечевка», также и в чув. *пуч* «шнур, бечевка». Автор возводит к общему для тюркских и финно-угорских языков слову *пач*, *поч* «посконь, конопля», ср. удм. *пыш*, *пуч*, *поч* «конопля, посконь»; мар. *поч* «аркан, бечевка, веревка», *пач* «кусочек холста, холстина» [1, с. 161].

Керес – медовые соты, *кересле бал* – сотовый мед. *Кересле бал алдым ийе. / Сотовый мед купил. Зы сасыннан кисеб алсаң, кересле бал була. / Если срезать с рамки, будет сотовый мед.* Тат. лит. – *кэрэз* «медовые соты». Считается заимствованием из финно-угорских языков: ср.: горное наречие марийского языка *кэраш*, луговое наречие марийского языка *караш*, мокш. *каряст* «соты (медовые)» [4, с. 64].

Бүкэн – табурет. В этом же значении употребляется в мамадышском, бирском, мензелинском, красноуфимском, параньгинском говорах татарского языка. *Бүкэн ал, утыр. / Бери табурет, садись.* В исследуемом

говоре имеется и другое значение слова *бүкән* – длинные связки калины или рябины. *Биш бүкән бүкәннедег инде паланны. / Навязали пять связок калины.* Общепринято, что слово является заимствованием из финно-угорских языков: ср. мар. *пүкен* «стул»; удм. *пукон* «стул, табуретка»; коми диал. *пукан джек* «детский стульчик»; удм. *пукыны* «сидеть»; коми *пукони, пукавны, пукалны, пукны* «сидеть»; коми-перм. *пукавны* «сидеть»; мар. *пүташ* «высиживать птенцов, сидеть на яйцах», *пүтыш цывы* «курица-наседка» [Там же, с. 77]. По мнению И. С. Насипова, слово *бүкән* заимствовано из финно-угорских языков, однако его проникновение в разные татарские говоры он связывает с разными источниками: и с марийскими, и с удмуртскими говорами. Р. Г. Ахметьянов образование слова *бүкән* «чурбан, табурет, стойка бревенчатого дома» связывает с корнем *бүг* // *бүк* «вздутость», «кочка»; ср. монг. *богоно, богони* «низкорослый человек», *бөкөн* «горбатый», бурят. *бүхен* «горб»; в то же время не отрицает его связи с финно-угорскими языками, сравнивая с марийским *пөкэн, пукен*, удмуртским *пукэм, пукон* «стул», *пукыны* «сидеть» [1, с. 55].

Киндерә – одинарное крученое лыко, вставляемое по краям лаптей, обушник или кайма. *Ишкәч, бау була, бороп зына зуйгач, киндерә дибез. / Если вить, получается веревка, если скрутить, называем киндерә. Шома киндер – холст обыкновенный, который не имеет ни узоров, ни разноцветных сочетаний. Әле анда шома киндер генә түгел зый, кәртәләп тә сугам ий. / Там не только простой холст ведь, я и клетками бывало ткала.* В татарском литературном языке *киндер* «конопля»; «холст»; в глазовском говоре – «стебель конопли», в мензелинском говоре *киндерәлек* – «часть ноги, где завязываются оборки лаптей». Употребляется и в других тюркских языках: башк. диал. *киндер* «оборы», «онуча»; азерб. *кәндир*, туркм. *кендир* «веревка», «пенька»; чув. *кантәра, кантра* «веревка, бечевка», «шнурок, завязка», *сапата кантри* «оборки лаптей» [2, с. 144; 13, с. 141]. По-видимому, восходит к марийскому: горное наречие *кәдырә*, луговое наречие *кандыра* «веревка, бечевка»; ср. венг. *kender* «конопля», «пенька».

Әтмә/әкмә – бредень (тат. лит. жетме). *Әтмәнең башы очло, озон агачза бәйлиләр жебен, очы киңәйеп бара. / У бредня начало узкое, веревку привязывают к длинной палке, край постепенно расширяется* [10, с. 80, 89].

Әтмә, жәтмә в заказанских, бирском, мензелинском говорах – «бредень», «сеть» (для рыбной ловли); в мензелинском говоре «сетка для сена, сплетенная из веревки». Ср. башк. диал. *йәтмә* «силок» (для ловли птиц, мелких зверей), «лента, тесьма рубашки»; *әтмә* «силок» (для ловли зверей), «сачок» (для ловли рыбы) [2, с. 133, 428]. Чув. лит. *атма* «наметка (рыболовная снасть для ловли рыбы)», «сеть» (для ловли птиц) [13, с. 46]. Р. Г. Ахметьянов приводит параллели из татарского, башкирского, марийского и чувашского языков [1, с. 266]. По мнению И. С. Насипова, *жәтмә* и его фонетические варианты *йәтмә, әтмә* все же могут быть заимствованы из финно-угорских языков (марийского): ср. мар. *атма* «рыболовный сачок на черенке», «наметка», «бредень»; в горном наречии *йәтма* – «большая наметка с узким дном», «черпак» [4, с. 128].

К числу заимствований из финно-угорских языков можно отнести также слова *ләпкәйтү* «делать плоским, низким, сплющивать»; *ләпәйтү* «вдавливать, раздавливать, проминать»; *ләпкетү* «давить»; *ләпкетү* «увалить тесто и приплющить рукой»; *ләпәйү* «вдавиться», ср. коми *лапитны* «сплющить, расплющить», *лапкодны* «катать, раскатать» [3, с. 157]; *ластырау* «висеть, свисать», ср. мар. *лыстырам* «делать слабее, распустать что-либо» [6, с. 215]; *ләпәшкә* «плоский»; *ләпәш* «низкий, невысокий; низко», ср. горное наречие марийского языка: *лап* «низина», удм. *лап* «пологий», «низкий», «приземистый», коми *ляпкыд* «низкий», «мелкий», «неглубокий», эрз. *лапужа* «сплюснутый», мокш. *лапе* «плоский, плоскость», венг. *лар* «плоский», финн. *larrea* «тонкая железная пластинка» [4, с. 93]. *Ләпәшкә итеп йабылган (түбә). / Плоско покрыта (крыша). Ләпәшә генә черег ызбада тордолар зый. / Жили ведь они в низенькой прогнувшейся избе.*

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что финно-угорские заимствования в пермском говоре относятся, в основном, к сфере флоры и фауны, а также к области хозяйствования. Данная общность возникла в результате взаимодействия и взаимовлияния финно-угорских и тюркских языков и обмена опытом носителями этих языков в общей географической среде. Необходимо подчеркнуть многовариантность рассмотренных слов и наличие у них разнообразных семантических оттенков.

Список литературы

1. Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: ТКИ, 2001. 272 с.
2. Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
3. Лыткин В. И., Гуляев В. И. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
4. Насипов И. С. Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования в татарском языке: монография. Стерлитамак: Стерлитамакская гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2009. 228 с.
5. Насипов И. С. Языковые контакты в Волго-Камье. Мордовские заимствования в татарском языке: монография. Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2013. 155 с.
6. Рамазанова Д. Б. Вопросы татарской диалектологии. Казань, 2008. 272 с.
7. Рамазанова Д. Б. К истории формирования говора пермских татар. Казань: ИЯЛИ, 1996. 239 с.
8. Рахимова А. Р. Лексика диалектов сибирских татар: сравнительно-исторический анализ промысловой и хозяйственной лексики. Казань: Мастер Лайн, 2001. 128 с.
9. Садыкова З. Р. Зоонимическая лексика татарского языка. Казань: ИЯЛИ, 1994. 129 с.
10. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге (Большой диалектологический словарь татарского языка) / сост.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайрутдинова. Казань: Татарское кн. изд-во, 2009. 839 с.
11. Хайрутдинова Т. Х. Говор златоустовских татар. Казань: Татарское кн. изд-во, 1985. 157 с.
12. Хайрутдинова Т. Х. Народные названия растений в татарском языке. Казань: Фикер, 2004. 224 с.
13. Чувашско-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. 712 с.

FINNO-UGRIC BORROWINGS IN THE PERM DIALECT OF THE TATAR LANGUAGE

Mel'nikova Galina Vladimirovna

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts
Tatarstan Academy of Sciences
nightvolga@mail.ru

The article discusses the Finno-Ugric lexical borrowings in the vocabulary of the Perm dialect of the Tatar language, their ratio in the Tatar literary language and dialects, as well as their lexical and thematic and lexical-semantic features. The multivariance of the considered words and the presence of a wide range of semantic nuances are also mentioned.

Key words and phrases: Finno-Ugric borrowings; Perm dialect; Tatar dialects; dialects; dialect vocabulary.

УДК 81-2

Филологические науки

В статье рассматривается процесс формирования колониального койне в самой крупной немецкой колонии в Поволжье – Екатериненштадте (Маркштадте), исследуются лингвистические и экстралингвистические факторы, оказавшие влияние на статус и форму данного диалекта. На примере морфологической системы и некоторых фонетических процессов показывается, в каком виде сформировался единый язык общения жителей данной колонии к началу XX века.

Ключевые слова и фразы: диалекты поволжских немцев; условия формирования единого языкового варианта коммуникации в условиях иноязычного окружения (языкового острова); морфологическая система колониального койне.

Минор Александр Яковлевич, к. филол. н., доцент

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
a-minor27@yandex.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МАРКШТАДТСКОГО ДИАЛЕКТА[©]

Статья написана в рамках гранта «Социолингвистические предпосылки формирования единого языка общения российских немцев в условиях иноязычного окружения», № 14-04-00281, поддержанного в рамках Основного конкурса РГНФ.

1. Краткая историческая справка

Немецкая колония Екатериненштадт (Баронск, позднее – Екатериноград, Маркштадт, затем и сегодня – Маркс) [4] была основана в ходе иностранной колонизации пустующих земель на Нижней и Средней Волге. Колонисты последовали призыву российской императрицы Екатерины II, изложенному в пригласительных Манифестах 1763 и 1764 годов. На иностранцев правительство Екатерины II возлагало особые надежды как на носителей более передовой производственной культуры. На приглашение Екатерины II откликнулись в основном немцы. Основной причиной их эмиграции в Россию была Семилетняя война, приведшая к разрухе и голоду. По данным К. Штумпа, на Волгу переселилось 23 216 немцев и представителей некоторых других европейских стран [9, S. 20]. Всего в ходе колонизации в Поволжье в 1764-1767 годах было основано 106 немецких сёл [4].

2. Истоки диалекта Маркштадта

По данным пастора Келлера, приведенным в Книге записи актов гражданского состояния в церкви Екатериненштадта, которая хранится в Государственном историческом архиве немцев Поволжья [2, ед. хр. 14, л. 52 / об.], данную колонию основали в 1776 году выходцы из 44 местностей Германии. Наибольшее количество колонистов прибыло из Гессена и Ханау (61), и говорили они на гессенском диалекте. Саксонский диалект, относящийся к восточно-среднемецкому, был представлен выходцами из Саксонии, Анхальта (Дессау, Цербст) и Тюрингии – 79 человек, или 22% первых колонистов. Кроме того, были представлены нижне-немецкие диалекты: Бранденбург, Мекленбург, Магдебург, Гамбург, Любек, Бремен, Ганновер, Вестфалия, Липпе, Гольштейн, Мюнстер, Померания, Пруссия, Брауншвейг. К данной группе примыкают также диалекты Нидерландов и, видимо, язык выходцев из Курляндии.

Остальные колонисты говорили на верхнемецких диалектах и прибыли из Баварии, Франконии, Швейцарии, Богемии, Майнца, Пфальца, Нассау, Эльзаса, Люксембурга, Бадена, Австрии, Швабии, Трира, Вюртемберга, Вюрцбурга, Лотарингии. Кроме того, в колонии поселились также уроженцы немецких языковых островов во Франции, Силезии, Венгрии, Моравии и Польше и даже Англии. Всего в Церковной книге назван 401 колонист, из них 290 человек прибыли из немецкоязычных и 111 – из других европейских стран. Келлер, к сожалению, не приводит данных о том, на каких языках говорили переселенцы из других стран, но можно предположить, что они также владели немецким языком, так как в списке первых колонистов встречаются только типично немецкие фамилии.